
ИНТЕРПРЕТАЦИОННАЯ СЕТЬ РУССКОГО ПЕРЕВОДНОГО ТЕКСТА: ВИЗУАЛЬНОСТЬ

В.В. Метелева

Кафедра французской филологии
Кубанский государственный университет
ул. Ставропольская, 149, Краснодар, Россия, 350040

В статье рассматривается интерпретационная сеть русского переводного текста, которую образуют семантические операторы (связующие элементы между темой и ремой сообщения). По своей сути они являются исторически сложившимися и сохранившимися до наших дней формами осмысления действительности, среди которых выделяется визуальность.

В русских переводах с французского языка (публицистические тексты), помимо информационно полноценной лексики, с ощутимой регулярностью обнаруживается лексика, выполняющая функцию семантических операторов.

Более того, в переводах такая лексика встречается чаще, чем в оригинальной русской публицистике. Ее роль в создании смысла текста редуцирована до неких весьма общих элементов, информативность которых занижена и соответствует их обычной функции — служить связующим элементом между темой и ремой сообщения. Набор такой лексики ограничен, и она отличается заметной повторяемостью в текстах (*являться, являть собой, проявляться, находиться, происходить, казаться, представлять собой, стать заметным, стоять, стать, ставить, лежать, выходить, начинать, приводить* и т.д.). Очевидно, использование подобной лексики упрощает французским переводчикам поиск русских языковых форм, посредством которых передается смысл, заложенный в исходный французский текст. Однако сам факт повторяемости и количественной ограниченности этой лексики заставляет задуматься о ее семантической природе и о ее предназначении в создании переводного текста.

Любой язык образует свою сеть понятийных категорий, которые стоят вне конкретных экземплярных текстов и в комплексе составляют сугубо национальные исторически сложившиеся формы осмысления действительности, отраженные в речи. О явлениях подобного порядка говорят многие ученые, по-разному называя их: способы мышления, деятельности и чувствования [1. С. 413]; ментальные способы структурирования окружающего мира [2]; «спонтанный процесс укладывания информации в исходно заданные рамки» [2. С. 193]; метод мышления [3. С. 248], интерпретационная сеть [3. С. 123] и др. Сфера их бытования — национальная культура, национальный менталитет и психология, а одна из форм выражения — язык и речь [4. С. 55—56]. Все они представляют собой сочетание мыслительных и речевых данностей, существующих в границах определенного этнически своеобразного речевого пространства.

В составе такой лексики в русском языке выделяются единицы тематических групп со значением «визуальность», «идентификация (объекта) по местоположе-

нию», «перемещение в заданном пространстве», «деятельность и ее фазы», «активность или пассивность субъекта». В конкретных текстах они, как правило, контаминируют, накладываясь друг на друга. Чаще всего встречаются сочетания «визуальность + местоположение» или «визуальность + фазность процесса», «местоположение + фазность процесса». К ним добавляется выражение активной или пассивной роли субъекта.

Если рассматривать речевые единицы подобного типа по отношению к отдельному частному случаю, создается впечатление произвольности выбора. При обращении к широкому корпусу текстов выявляются определенные закономерности и становится очевидной «неслучайность» выбора лексических строевых элементов текста, представляющих собой привычный способ организации сообщения на данном языке.

Можно утверждать также, что совокупность этой лексики функционирует как организованная сеть в пространстве газетно-публицистического стиля русского языка: как уже отмечалось, тематически однородные подгруппы отличаются взаимозаменяемостью, контаминацией, между ними наблюдаются взаимопересечения. Кроме того, их количество ограничено, поэтому в текстах обнаруживается заметная повторяемость этой лексики, а возможность произвольного ввода новых единиц в ее состав исключена.

Совокупность такой лексики может рассматриваться как относительно замкнутая схема, образующая контур или рисунок пересекающихся координат, исторически сложившаяся в ментальном пространстве данного этноязыкового сообщества — интерпретационная сеть, на которую опирается актуальная информация сообщения. Высокий уровень ее стандартизованности и ощутимая независимость от информационного плана текста допускают значительную свободу переводчика в поисках межъязыковых соответствий и приемлемых смысловых аналогов.

Большинство такой лексики исторически восходит к сенсо-моторному опыту человека. Образ жизни человека, его деятельность и язык развивались и совершенствовались параллельно и во взаимном влиянии. Не случайно Дж. Брунер выделяет три основных способа субъективного представления мира (одинаково наблюдаемых в филогенезе и в онтогенезе): в виде действий, в виде наглядных образов и в виде языковых знаков [5]. В свою очередь, К. Фишер отмечает: «...мысль в буквальном смысле слова выстроена из сенсомоторных навыков» [6. Р. 523].

Важнейшей из таких координат можно считать *визуальность*. По замечанию К. Ажежа, «отличительной чертой человека как вида является развитие тех органов чувств, которые позволяют осуществлять восприятие на расстоянии; <...> это органы зрения и слуха, в отличие от органов осязания, которые делают возможным восприятие лишь в ситуации непосредственного контакта» [3. С. 21]. Е.Т. Холл назвал их дистанционными рецепторами [7. Р. 60]. На фоне реального образа жизни *homo sapiens* зрение, благодаря своим функциональным характеристикам, во многом определяло отбор и устойчивую фиксацию информации в речевых формах.

Особая роль зрения была замечена давно. Так, В.М. Розин, цитируя Т. Шеркову, отмечает, что в Древнем Египте жрец, готовя умершего к последнему пути,

совершал специальный ритуал над статуей умершего, «которая являлась вместилищем души-ка, или двойника новопредставленного. Вставляя в глазницы инкрустированные глаза, скульптор наделял статую (а, значит, и самого умершего) способностью видеть, значит, ожить» [8. С. 17]. Этим подчеркивается осознание той роли, которую зрение играет среди других органов чувств. Как отмечает Е.С. Кубрякова, «зрительное восприятие оказывает на становление человека свое решающее влияние» [9. С. 88].

Визуальность (в том числе мысленное представление как абстрагированная визуальность) оказывается своеобразной платформой, на основе которой развиваются иные метаречевые отношения. Так, восприятие пространства можно считать в какой-то мере производным от зрения, а в пространственных ориентирах деятельностный и зрительный компоненты тесно переплетены. Именно на фоне мысленного зрительного восприятия выделяются две основные пространственные категории: 1) идентификация местоположения; 2) передвижение.

Идентификация местоположения предполагает ментальное выделение замкнутого пространства и его отграничение от всего остального пространства, которое находится за границами замкнутой линии. По замечанию Л.Б. Лебедевой, «в своих отношениях с пространством человеку требуются как минимум две психологические опоры. Это, во-первых, субъект сознания — «Я», всегда помещающий себя в центре идеального пространства, и противостоящая субъекту граница, или границы, которые замыкают пространство вокруг него» [10. С. 93]. Возможно, так проявляются бессознательные ориентиры на «свою» и «чужую» территорию, бытующие на уровне инстинктов. В каждый данный момент времени субъект может воспринимать мир с одной из двух исключаящих друг друга позиций: или он обозревает внутреннее и внешнее пространство, идентифицируя себя с положением «внутри замкнутой линии», или внутреннее пространство, идентифицируя себя с положением «вне замкнутой линии». Субъект как бы видит мир «извне» или «изнутри» означенного пространства. Он может ориентироваться не на пространство как таковое, а на воспринимающего субъекта или объект, находящиеся в «ином» пространстве. При этом возможны реверсивные отношения, где в фокус внимания попадает одно из двух намерений: увидеть «другого» или показать «себя».

Визуальная перцепция мира в зависимости от идентификации собственного местоположения и намерения находит отражение в интерпретационной сети через глаголы «являться», «являть собой» «казаться», «представлять(ся)», «представлять собой» (1), с одной стороны, «наблюдаться» (2), с другой. Как элементы интерпретационной сети эти глаголы выступают в том случае, когда во фразе актуализируются их не прямые значения. Первая группа глаголов при этом выражает мысленное визуальное представление «себя для другого», вторая группа глаголов — мысленное визуальное восприятие «другого».

Интересно, что как элемент интерпретационной сети любой из этих глаголов может быть заменен на глаголы бытия или обладания («быть» или «иметь»), но, очевидно, предпочтительнее глаголы, предполагающие наличие воспринимающих субъектов и, следовательно, «внутреннего взгляда». Ср., например, такие фразы: «*Наблюдается* определенная зависимость между этими величинами» вместо «*Имеется* определенная зависимость между этими величинами».

Рассмотрим подробнее обе группы глаголов визуальной перцепции.

Идентификация «другого» через мысленное представление. Одним из частотных глаголов этой группы оказывается глагол «наблюдаться». Обратимся к примерам, взятым из переводов французских текстов на русский язык (переводы выполнены французскими профессиональными переводчиками): «наблюдается значительный прогресс: в области трудовой деятельности» <... *Il y a* (букв. имеется) *des progrès décisifs: travail, libertés privées ...* [11. С. 6]. «Равное количество *наблюдается* в различных культурных организациях» <...*leur participation y augmente rapidement* (букв. быстро возрастает) *et à égalité avec les hommes* [11. С. 18].

Буквальный перевод позволяет обнаружить различия между французским и русским языками в способе представления событий. Когда в русском языке присутствует глагол визуальной перцепции («наблюдаться»), во французском ему каждый раз соответствуют иные формы представления события. Это становится очевидным при дословном переводе французских фраз. Ср. «наблюдается» — *Il y a* (букв. «имеется»); ... *augmente rapidement* (букв. «быстро возрастает»).

Как это видно из приведенных примеров, в русском переводном тексте присутствуют регулярные отсылки к зрительному восприятию объектов и явлений. В исходном французском тексте формы более разнообразны.

Представление «себя для другого» (глаголы «являться», «проявляться»). Изначальное требование выдержать речевые стандарты языка перевода заставляет переводчиков выбирать речевые формы, наиболее привычные для носителей языка, тем самым, возможно, ограничивая в какой-то мере собственные стилистические предпочтения. Уровень клишированности переводных текстов оказывается значительно выше обычного текста, иногда в ущерб стилистической гармоничности. Примером может служить такая фраза: «Франция *является* в наше время одной из редких стран, знакомых с этим *явлением*, которое *является* признаком благоприятного экономического развития» < ... *La France est d'ailleurs aujourd'hui l'un des rares pays à connaître ce phénomène, excellent indice de développement économique* [11. С. 9]. Такой повтор в одной фразе объясняется тем, что глагол «являться» и существительное «явление» служат в газетном тексте своеобразным субститутом асемантизированной связки между семантически значимыми фактами. Ту же самую фразу можно было бы перевести иначе. Например, так: «Впрочем, Франция сегодня — это одна из редких стран, знакомых с этим феноменом (явлением), безусловным показателем высокого уровня экономического развития» (перевод наш — В.М.). В этом переводе присутствуют характерные для русского газетно-публицистического стиля оценочно-классифицирующие прилагательные «безусловно», «высокий (уровень)», что нетипично для французского языка, но они совместно передают значение французского прилагательного *excellent*.

Еще аналогичные примеры: «Вы *являетесь* первой в истории министерства женщиной ... «<...*Vous êtes la première femme porte-parole...* [11. С. 25]. «Франция *является* одной из редких стран, где в университетах студенток больше, чем сту-

дентов» < ... *La France est l'un des rares pays où...* [11. С. 9]. «...*является* также одним из соавторов книги...» < ... *est également co-auteure* [11. С. 21].

Асемантизированный характер русского глагола «являться» особенно заметен на фоне французских исходных выражений. Ср. «...нежелание девочек заниматься наукой *является следствием* некоторой традиционной культурной модели поведения» < ... *l'aversion des filles à s'engager dans la filière scientifique met en jeu* (букв. вводит в игру) *les traits culturels du modèle offert aux femmes* [11. С. 9]; «...женщины составляют 85% от общего числа трудящихся, работающих неполный или разорванный рабочий день. Эта тенденция *стала ярко проявляться* с 1980-х гг.» <...*elle représentent 85% des personnes qui travaillent à temps partiel. Un sous — emploi, le plus souvent subi, qui a explosé* (букв. взорвался) *à partir des années 80* [11. С. 13]; «...*является главой*» <...*préside* (букв. председательствует) [11. С. 24]; «понимание этого *явления* открывает новые горизонты» <(во французском варианте соотносимая лексическая единица отсутствует) [11. С. 1]; «...также *явилась мишенью* сексистских нападок» (удобнее было бы перевести «оказалась мишенью...») <... *a connu* (букв. узнала) *elle aussi la grossièreté sexiste* [11. С. 22]; «По сравнению с другими женские ассоциации *являют собой* островки надежды... <...*apparaissent comme des espaces protégés* (букв. появляются как)... [11. С. 19].

В цитированных фразах обнаруживаются следующие варианты перевода:

- (1) является следствием < *met en jeu* (букв. вводит в игру);
- (2) стала ярко проявляться < *qui a explosé* (букв. взорвалась);
- (3) является главой < ... *préside* (букв. председательствует);
- (4) понимание этого явления < (во французском тексте этот элемент отсутствует);
- (5) явилась мишенью < ... *a connu* (букв. узнала);
- (6) являют собой < ... *apparaissent comme ...* (букв. появляются как).

Если варианты (3) и (6) можно рассматривать как межъязыковые соответствия в силу относительного сходства их семантики, то варианты (1), (2) и (5) не отвечают этим критериям. Однако французские глаголы *mettre en jeu*, *exploser* и *connaître* относятся к числу частотных во французской прессе и выполняют ту же функцию, что и русский глагол *являться* (*проявляться, являть собой*) — функцию семантических операторов, связывая тему и рему сообщения.

Связочная функция выражения «являть собой» особенно заметна в следующей фразе: «Некоммерческие ассоциации *являют собой* предмет национальной гордости французов, поскольку именно они демонстрируют принцип демократического участия в общественной жизни страны. < *Fierté nationale, les associations à but non lucratif sont centrées être les lieux par excellence de la démocratie participative* [11. С. 18]. Как видно из русского примера, выражение «являть собой» используется для того, чтобы произвести структурную синтаксическую трансформацию французского приложения в полноценную пропозицию.

Таким образом, глаголы со значением «визуальность» (*наблюдаться, являться, являть собой, казаться, представлять(ся), представлять собой, прояв-*

латься) входят в состав традиционных речевых форм, в которые французские переводчики облачают мысль, выраженную на русском языке. Их двойственная природа (ментальные категории в речевом воплощении) позволяет рассматривать эти глаголы как единицы интерпретационной сети русского публицистического стиля, посредством которой «состыковываются» ментальные и речевые данности.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. — М., 1991.
- [2] Мониц Ю.В. На стыке ритуала и языка: комплексная мотивация в семантической эволюции // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. — М., 2001.
- [3] Ажесж К. Человек говорящий. Вклад лингвистики в гуманитарные науки. — М., 2003.
- [4] Бендлер Р., Гриндер Дж. Структура языка: Технологии программирования судьбы (Теория и практика НЛП): Хрестоматия / Сост. К.В. Сельченко. — М., 2001.
- [5] Брунер Дж. Психология познания. — М., 1977.
- [6] Fischer K.W. A theory of cognitive development: The control and construction of hierarchies of skills // Psychological Review. — V. 87(6).
- [7] Holl E.T. La dimension cachée. — Paris, 1971.
- [8] Розин В.М. Культурология. — М., 2001.
- [9] Кубрякова Е.С. О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. — М., 2000.
- [10] Лебедева Л.Б. Семантика «ограничивающих» слов // Логический анализ языка. Языки пространств. — М., 2000.
- [11] LF: Label France. — 1999. — № 37 (французская и русская версии текста).

INTERPRETATIONAL SYSTEM OF THE RUSSIAN TARGET TEXT: VISUALISATION ASPECT

V.V. Meteleva

Kuban State University
Stavropolskaya str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

This article deals with the interpretational system of the Russian target text. This system is formed by semantic operators. As a matter of fact they are the historically composed forms of reality perception which are preserved till the present time (visualisation is taken as example).